

www.volsu.ru

НА СТРАЖЕ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ [РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА]

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.1>

UDC 94(470)“16/18”

LBC 63.5(2)

Submitted: 25.04.2021

Accepted: 23.06.2021

THE DEFENSE SYSTEM OF THE SOUTH OF RUSSIA ON THE EVE OF THE CONSTRUCTION OF THE BELGOROD LINE ¹

Denis A. Lyapin

Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. Introduction. In 1635, construction began on the Belgorod line, a large-scale military-defensive complex on the southern borders of Russia. This construction was completed in 1658. The Belgorod line played an important role in history, made possible to start the process of full-fledged economic development of a vast fertile region, and had a beneficial effect on population growth and the development of the local market. Erecting the line was a difficult task; it took much effort in this process. It is important for us to understand the events before construction. **Methods.** The author of the article focuses on the history of the organization of the defense of the South of Russia according to the data of the “Brown List of Servicemen” (1625). This interesting archival source is almost unknown in the scientific world. The list reflects not only the organization of border defense, but also the social composition of the population. As a result, it is concluded that maintaining the combat capability of the southern borders was possible only under conditions of permanent deployment of large regiments in the area of the Oka River. **Results.** The organization of this service required much money and effort, but at the same time the fertile southern region could not fully develop. Farming was impossible. Tatars often attacked. As soon as the weakening of the local garrisons began in 1630, the Crimean authorities sent huge troops to the Russian borderlands. The outbreak of the “Big War” forced Moscow to reconsider the organization of the defense and move to a systematic military-defensive construction. This was the background of the Belgorod line.

Key words: Belgorod line, South of Russia, voivode, Big regiment, service class people.

Citation. Lyapin D.A. The Defense System of the South of Russia on the Eve of the Construction of the Belgorod Line. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 6-14. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.1>

УДК 94(470)“16/18”

ББК 63.5(2)

Дата поступления статьи: 25.04.2021

Дата принятия статьи: 23.06.2021

СИСТЕМА ОБОРОНЫ ЮГА РОССИИ НАКАНУНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ ¹

Денис Александрович Ляпин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. В 1635 г. началось возведение Белгородской черты – масштабного военно-оборонительного комплекса на южных рубежах России. Это грандиозное строительство было закончено в 1658 году. Белгород-

ская черта сыграла важную роль в истории России: она позволила начать процесс полноценного хозяйственного освоения обширного плодородного региона, благоприятно сказалась на росте населения и развитии местного рынка. Возведение черты было трудной задачей, потребовавшей много усилий. Для того чтобы лучше понять этот процесс, важно изучить события, предшествовавшие строительству. В центре внимания автора статьи – история организации обороны Юга России по данным «Перечневой росписи служилых людей» 1625 года. Этот ценный архивный источник до сих пор не привлекал внимания исследователей. Между тем он отражает не только организацию обороны южнорусского пограничья, но и социальный состав местного населения. В работе делаются выводы о том, что поддержание боеспособности южных рубежей было возможным только в условиях постоянной дислокации крупных полков в районе Оки. На организацию такой службы требовалось много средств и сил, и при этом плодородный южный регион не мог полноценно развиваться в хозяйственном отношении, поскольку татары подвергали его постоянным мелким набегам. Как только в 1630 г. началось ослабление местных гарнизонов, крымские власти направили на русское пограничье огромные войска. Начавшаяся здесь «Большая война» заставила Москву пересмотреть организацию обороны и перейти к планомерному военно-оборонительному строительству.

Ключевые слова: Белгородская черта, Юг России, воевода, Большой полк, служилые люди.

Цитирование. Ляпин Д. А. Система обороны Юга России накануне строительства Белгородской черты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 6–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.1>

Введение. Белгородская черта – большой комплекс укреплений, протянувшийся единой линией по южным уездам западной части России. Принято считать, что начало ее создания относится к 1635 г., после принятия в Москве решения о возведении укреплений южнее только что построенной крепости Козлов. Строительство черты было полностью закончено в 1658 году. В этом же году произошло формирование Белгородского полка, определившего географические контуры всей линии укреплений [4; 14].

Данная статья посвящена вопросу об организации обороны на Юге России до строительства Белгородской черты, тем самым мы хотим понять предысторию ее строительства, увидеть исторические обстоятельства, заставившие правительство пойти на этот шаг.

Первой работой, наиболее близко связанной с нашей темой, стал труд И.Д. Беляева о сторожевой службе Московского государства [2, с. 42]. Эта небольшая книга, вышедшая в середине XVII в., не потеряла ценности до нашего времени, поскольку содержит ценные сведения о численности русского войска и его расположении в разные периоды времени. В 1887 г. вышли «Очерки...» Д.И. Багалея о «колонизации степной украины», в которых отдельная глава была посвящена истории региона до 1645 года. Однако центральное внимание автор уделит хозяйственным, а не военным вопросам [1, с. 36–135]. Крупной работой, затрагивающей нашу тему, стал труд

А. Яковлева. Это была первая работа, специально посвященная военно-оборонительному строительству на южных рубежах [15]. Узость темы не позволила ученому остановиться на военно-политических, хозяйственных и социальных аспектах затронутой им проблемы, несмотря на то что работа в целом стала большим шагом вперед.

Особый интерес для нас представляет труд А.А. Новосельского о противоборстве России и Крымского ханства в первой половине XVII века. Автор сумел показать сложную взаимосвязь дипломатических отношений двух государств, характер регулярных военных действий между ними, усилия Москвы в обороне региона и огромный ущерб от татарских нападений в ходе набегов 1630-х годов [11].

Организация обороны южных рубежей в 1620–1640-е гг. была в центре внимания В.Н. Глазьева, посвятившего этой теме отдельную статью [3]. Ученый отметил специфику организации нападений татарских отрядов на окраинные уезды, описал меры, направленные на их предотвращение. Несколько наблюдений о взаимоотношениях служилых людей Юга России и донских казаков, в контексте противоборства с татарами, оставил О.Ю. Куц в монографии о казачестве [7]. В специальной работе о повседневной жизни населения Юга России нами были показаны особенности организации социальной и хозяйственной жизни местного общества в услови-

ях постоянной войны с татарами [10]. В 2020 г. увидела свет обстоятельная книга по истории строительства и заселения Белгородской черты, созданная коллективом авторов: А.И. Папков, Н.Н. Петрухинцев и Д.А. Хитров [12]. Некоторое внимание здесь уделено военной ситуации в регионе в 1620–1630-е гг., то есть непосредственно нашей теме. В частности, отмечается количество и направления набегов на южные рубежи, осложнение обстановки в регионе в годы Смоленской войны.

Методы и материалы. Методология работы связана с применением типологического и сравнительного методов. Эти методы позволили выявить общее и особенное в изучении социальных групп Юга России. Для построения теоретических выводов, связанных с обработкой архивных материалов, применялась традиционная совокупность частных аналитических методик, включая анализ и синтез результатов, абстрагирование, а также – метод допущения. В результате удалось систематизировать полученную информацию и более эффективно использовать ее для теоретических построений.

Основным источником статьи послужила «Перечневая роспись служилых людей» 1625 г. (далее – Роспись). Этот документ сохранился в документах Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА) [13]. К сожалению, сохранность листов росписи нельзя назвать полностью хорошей, прочтению с трудом поддается начало документа и несколько листов в середине. В некоторых случаях трудно разобрать подсчеты численности служилого населения по отдельным городам. При всем этом Роспись содержит массу фактических сведений по военной и социальной истории, а ее данные объективно отражают существовавшую в 1620-е гг. систему обороны южных рубежей России.

Анализ. До строительства Белгородской черты южная окраина России была слабо заселенной. К примеру, по данным В.П. Загорского, плотность населения Воронежского уезда составляла всего 0,5 человека на квадратный километр [6, с. 29]. Доминирующей социальной группой в это время были мелкие служилые люди, а крестьянское население было представлено слабо и находилось в ос-

новном на землях крупных вотчинников, которых здесь было немного [8].

Основным занятием населения было сельское хозяйство [5]. Для эффективности земледельческих работ служилые люди использовали различные формы социальной организации [10, с. 62–78]. Были также развиты промыслы и скотоводство, а в южной части окраины страны находились огромные пустые пространства, тянувшиеся до земель донских казаков, которые раздавались всем желающим в виде «ухожьев» или «юртов» для ловли рыбы, добычи меда диких пчел и пушнины. Однако о полноценном развитии региона не могло быть речи, поскольку эта территория регулярно подвергалась набегам крымских и ногайских татар [12, с. 24].

Организация обороны южнорусской окраины нашла свое отражение в анализируемой нами Росписи 1625 года [13]. Как известно, охранявшая южное пограничье армия традиционно, еще с XVI в., делилась на три полка: Большой, Передовой и Сторожевой. Роспись отражает организацию этих трех полков. Документ начинается с вступления, в котором сообщается о необходимости усиленной обороны «от литовские стороны» и «крымские украины», причем сообщается, что впервые эта задача была поставлена в 1617 г., по указу царя Михаила Федоровича [13, л. 1].

Затем Роспись содержит указания на то, где находится воевода каждого полка, а далее следует более подробная информация, предваряемая фразой: «А по большим вестям буде, как большие воинские люди понападут на тульские места и на рязанские и иные места и приход нечаять, воеводам быть всходе по росписи» [13, л. 2]. Иными словами, если нападение будет внезапным, то надлежит следовать указаниям в тексте Росписи.

Расположение полков было организовано следующим образом. В Туле находился возглавлявший Большой полк стольник князь Юрий Петрович Буйносов-Ростовский с сыном Кудином. Под его началом непосредственно значились: глава Передового полка воевода князь Юрий Андреевич Звенигородский и второй воевода Дмитрий Боимович Воейков. Местом расположения этого полка был Дедилов. Сторожевой полк возглавляли Андрей Никитич Звенигородский и Ермолай

Иванович Малоедов, находившиеся в Крапивне. Они тоже подчинялись Ю.П. Буйносову-Ростовскому.

Важное место в организации обороны региона занимали города Переяславль-Рязанский, Пронск, Михайлов, а также находившийся западнее Мценск. Здесь также располагались военные гарнизоны, подчинявшиеся воеводе Большого полка. Местные воеводы именовались «сходными», их действия должны были носить вспомогательный характер. В частности, указывалось, что воеводы Михайлова Григорий Житов и Федор Греков в случае войны должны действовать совместно с Передовым полком, а Сторожевому полку под командование переходят воеводы Пронска – Борис Колтовский и Михаил Протасьев [13, л. 6–7].

Таким образом, мы видим, что старая задача – оборона по берегам Оки уже осталась в прошлом. Теперь полки действуют уже за Окой. Строительство в конце XVI в. крепостей в «Поле» (Ливны, Воронеж, Елец, Курск, Оскол, Царев-Борисов, Валуйки), на степных южных пространствах, заставило Москву выдвигать свои войска южнее, чем обычно. Однако крепости на самом юге все равно оставались без должной защиты. Они служили форпостами в степи и собирали сведения для расположенных севернее полков. Очевидно, такая ситуация была связана с неразвитостью отдаленного региона, где малочисленное служилое население не могло организовать полноценное ведение хозяйственной деятельности. Выдвижение сюда полков было невозможным из-за экономической слабости региона, а также почти полного отсутствия инфраструктуры и мест для размещения большого военного контингента.

В итоге только в случае крупной опасности воеводы Большого, Передового и Сторожевого полков начинали активно действовать, но небольшие регулярные набеги татар должны были отражать сами служилые люди окраинных крепостей страны. Эта ситуация ставила их в непростые условия.

Роспись содержит сведения о служилых людях трех полков. Из представленных данных мы узнаем, что службу несли не только местные помещики, стрельцы и казаки, но и «дворяне выборные замосковных городов пер-

вые половины» [13, л. 8]. К примеру, в Большом полку находились «галичане, владимирцы, костромичане, мещеряне». В этом же полку значились и «поместные иноземцы»: литовцы во главе с ротмистром Василием Головиным (118) и поляки под началом ротмистра Черного-Яковлева (56). По сведениям источника, «немцы с Тулы были отпущены» и заменены новоприезжими иноземцами во главе с ротмистром Прокофием Крещенским (40). По всей видимости, всех иноземцев, служивших в Большом полку, возглавлял Денис Фанцылин, именно он значится при итоговых подсчетах росписи [13, л. 12]. Здесь же упоминаются отдельной группой черкасы, немцы и днепровские казаки в количестве 148 человек [13, л. 13].

В Росписи указывались ответственные за передачу информации из Тулы в Москву («по большим вестям»). Все они – представители выборного дворянства замосковных городов, их число составило 81 человек [13, л. 13]. Общее число служилых людей Большого полка составило 4 231 человек [13, л. 16].

В Передовом полку служили «дворяне выборные украинских городов», в основном выходцы из Тулы и Тульского края, а также представители замосковных городов: Муром, Владимира, Юрьева-Польского. Кроме того, здесь значились дети боярские и казаки «украинных городов», стрельцы и черкасы. Они составляли большую часть служилых людей. В конце росписи полка «значились атаманы и казаки и белозерские помещики». Всего в передовом полку значилось 2 435 человек [13, л. 34].

В Сторожевом полку служили помещики из Владимира, Дмитрова, Кашина, Луха, Нижнего Новгорода, Углича, Бежецкого Верха, Вологды и Клина. Однако основную часть полка составляли дети боярские «украинных городов» [13, л. 24]. Всего здесь значилось 1 742 человека.

Большой вспомогательный военный контингент располагался в Мценске – 1 172 человека, и еще 400 служилых людей в «осадной службе» (то есть они привлекались только для обороны города). В Переяславле-Рязанском находились 1 148 человек («детей боярских и татар»), в Михайлове полковую службу несли 1 490 человек (также «детей боярских и

татар»), в осадной службе было 73 человека. В Пронске службу несли 769 человек, «в осаде» – 243 человека [13, л. 36–53].

Численное соотношение полков и стратегически важных городов можно представить следующей диаграммой (рис. 1).

Роспись содержит ценные сведения о служилом и посадском населении «Рязанской и Тульской украины», «Польских городов» (то есть крепостей на Поле), «Северских городов» и «Понизовых городов» (то есть городов Поволжья). В рамках нашей темы мы используем только данные, связанные с Югом России (в современном понимании этого термина). Главным образом это «северские» и «польские» города. Все они впоследствии сыграли важную роль в создании Белгородской черты, став своеобразной базой для ее строительства и заселения. Остановимся подробнее на социальном составе населения интересующего нас региона на основе данных Росписи 1625 года.

Главная часть служилого населения была представлена дворянами и детьми боярскими – служилыми землевладельцами, составлявшими поместную конницу. В некоторых городах в эту социальную группу были добавлены служилые татары, причем без указания

численного соотношения с детьми боярскими. Это характерно, например, для Михайлова. Интересно, что в Калуге указывалось количество конных и пеших детей боярских: 160 и 268 человек соответственно [13, л. 46, 54]. В большинстве городов отдельным показателем фигурировало число детей боярских «в осаде». Как правило, осадную службу несли старые и раненые дети боярские, но в Болхове было указано также число отставных детей боярских (28 из 240 человек) [13, л. 66].

Несмотря на то что Роспись носила военный характер, здесь упоминались и посадские люди. Вероятно, они также привлекались к обороне своих городов, хотя численность их была невелика в интересующем нас регионе. Другие категории служилых людей были представлены служилыми людьми «по прибору»: стрельцами, казаками, пушкарями, затинщиками (обслуживающими пищали «за тыном» крепости) и прочими мелкими группами. Но и здесь были свои нюансы. Например, в Мосальске были указаны «украинные стрельцы», а в Венёве – конные казаки и «стрельцы с пищали» [13, л. 64, 73].

Составители росписи в тексте документа особенно часто делили служилый контингент на пеших и конных. Вот, например, за-

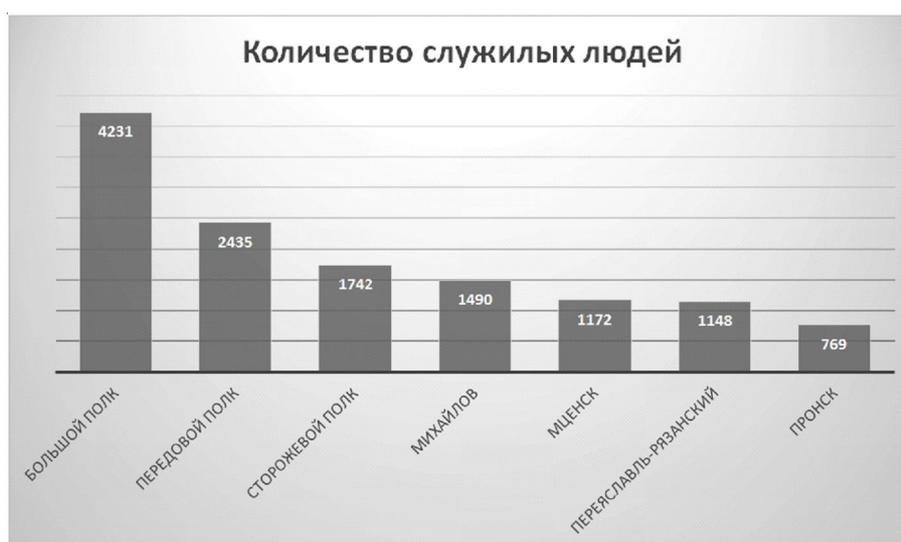

Рис. 1. Распределение служилых людей в полках и городах южнорусского пограничья по данным росписи 1625 года

Fig. 1. Distribution of service class people in the regiments and cities of the South Russian borderland according to the list of 1625

пись по социальному составу Епифани: «стрельцов конных и детей их» – 65 человек, «казаков, служат пеши» – 24 человека [13, л. 72]. В Данкове «сторожевых казаков конных» было 19 человек, а стрельцов (пеших) – 120 человек. В описании елецкого гарнизона читаем: «По росписи Стрелецкого приказа стрельцов 188 человек, казаков полковых 458 человек конных, служат с земель» [13, л. 84]. В Валуйках служили 255 конных казаков и 151 конный стрелец, при этом пеших стрельцов было 72 человека, а казаков не было вовсе. В Комарицкой волости находились 90 «стрельцов пеших» и 125 казаков «конных с пищальми» [13, л. 103]. Деление мелких служилых групп на пеших и конных особенно четко прослеживается в южных крепостях, причем среди служилых людей по прибору конные воины явно преобладали (рис. 2).

Роспись также отразила перемещения служилых людей для несения службы в другие крепости. В частности, елецкие помещные казаки служили «на Волуйке», а новосильские дети боярские «во Мценску» [13, л. 68, 85]. В Валуйках служили 1 488 человек из разных крепостей «с весны во все лето и до снегов для береженья от приходу воинских людей». В Чернавском остроге (на Быстрой Сосне) несли службу ельчане и ливенцы: 100 конных и 50 пеших, «переменяясь по сменно» [13, л. 80–81]. В Черкасском остроге, располагавшемся на территории Ливенского уезда,

100 конных детей боярских и 50 пеших казаков служили «переменяясь месешно» [13, л. 87]. В Курском уезде «для береженья от литовских людей» на реке Псёл постоянно дежурили 30 человек.

Очень показательное описание крепости Оскол. Здесь служили 55 детей боярских и 20 несли службу в Валуйках, стрельцов было 79 человек, «казаков конных» – 96 человек. К тому же в крепости находились 60 «конных беломестных казаков» и 20 конных «слободских голубенских казаков», а также 30 пушкаррей, 19 затинщиков, 8 воротников, один кузнец и 20 ямщиков [13, л. 88–89]. Это был один из самых разнообразных воинских контингентов, сложный социальный состав которого был обусловлен стратегическим положением крепости.

Обобщая данные Росписи, отметим, что главную роль в деле обороны Юга играли действия Большого, Сторожевого и Передового полков. Армия была организована по традиционному принципу, характерному скорее для прошлого столетия, при этом очевидно, ставка делалась на конницу. Полки не были рассчитаны на то, чтобы защищать удаленные рубежи от мелких ударов, а крупные нападения татарской армии они могли отразить только находясь в полном составе и постоянной готовности.

Такая система обороны южных рубежей могла казаться Москве эффективной только потому, что в 1620-е гг. крупных набегов было

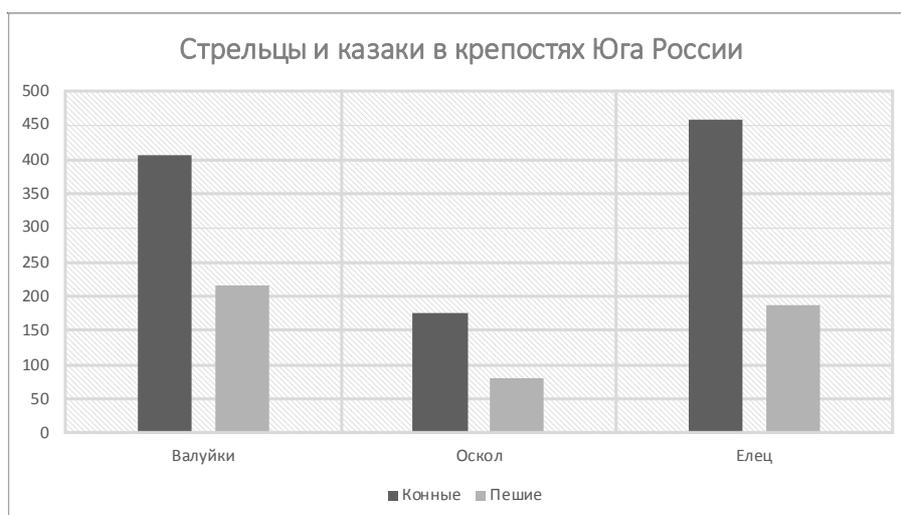

Рис. 2. Соотношение конных и пеших стрельцов и казаков по данным Росписи 1625 года

Fig. 2. The ratio of mounted and unmounted streltsy and Cossacks according to the list of 1625

не так много. В этой связи военно-оборонительное строительство было сведено здесь к минимуму, никаких реальных трат на поддержание жизни местного населения не делалось. Ни о каком интенсивном хозяйственном развитии региона не могло быть и речи.

Более того, в 1632 г. Россия начала войну с Речью Посполитой, получившую позже название Смоленской. Чтобы собрать достаточно крупное войско, Москва отозвала служилое население с южных рубежей, разрушив систему организации Больших полков.

В итоге обороноспособность южных границ в 1630–1632 гг. была сильно ослаблена. Если в 1629 г. общая численность гарнизонов здесь составляла 12 тысяч человек, то в 1632 г. – всего 5 тысяч человек [2, с. 42]. В это же время начинаются крупные набеги крымских татар, поддержанных турецкой армией, общей численностью в 10–20 тысяч человек. В 1631 г. началась «Большая война», ставшая катастрофой для местного населения: несколько сотен человек попали в рабство, а некоторые поселения прекратили свое существование. «Большая» война была описана нами в отдельной статье, и мы не будем останавливаться на ней подробно [9]. Отметим только, что организация обороны южнорусского пограничья оказалась неэффективной, численность служилых людей была недостаточно велика и воевать в условиях открытого степного пространства с крупной татарской армией было невозможно. Воеводы предпочитали отсиживаться в крепостях, а координация их действий была слабой.

«Большая война» поставила перед Россией новую задачу: обеспечить эффективную защиту своих южных рубежей и создать условия для нормального хозяйственного развития этого плодородного региона. Строительство Белгородской черты и проведение военных реформ в 1650-е гг. стали решением этой задачи.

Результаты. Таким образом, исследование системы обороны южнорусского пограничья, по данным росписи 1625 г., накануне строительства Белгородской черты позволяет нам сделать следующие выводы. Поддержание в полноценной боеспособности пограничья требовало постоянной дислокации полков в районе Оки. Для этого приходилось тратить много сил и средств, при том что плодородный южный регион не мог полноценно раз-

виваться, поскольку татары подвергали его постоянным мелким набегам, на которые главное войско не реагировало. Ослабление местных гарнизонов в начале Смоленской войны привело к настоящей катастрофе: сотни людей были убиты или угнаны в плен, села и деревни уничтожены, поля вытоптаны и сожжены. «Большая война» с крымскими татарами заставила Москву перейти к планомерному военно-оборонительному строительству, способствовавшему хозяйственному развитию региона. Так начала свою историю Белгородская черта. Строительство этой укрепленной линии стало тем значимым инструментом, с помощью которого России удалось закрепиться на новых географических пространствах и добиться значительного расширения своих границ на юг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

The study was supported by the Russian Science Foundation (Project Number 21-18-00024), held on the base of Bunin Yelets State University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багaley Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Университетская типография, 1887. 634 с.
2. Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1846. 151 с.
3. Глазьев В. Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары // Исторические записки Воронежского государственного университета. 2006. Вып. 10. С. 5–16.
4. Глазьев В. Н. Формирование Белгородского разряда как административно-территориальной единицы в середине XVII в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С. 116–119.
5. Жиров Н. А. Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 8. С. 147–156.
6. Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980. 238 с.

7. Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. СПб.: Дм. Буланин, 2009. 456 с.

8. Ляпин Д. А. Частные владения крупных вотчинников в городах Юга России в середине XVII в. // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 5–7.

9. Ляпин Д. А. «Большая война» 1631–1634 гг. на Верхнем Дону // Вестник ЛГПУ. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 1 (8). С. 36–42.

10. Ляпин Д. А. На окраине царства: повседневная жизнь населения на Юге России в XVII в. СПб.: Дм. Буланин, 2020. 416 с.

11. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1948. 452 с.

12. Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров - Д. А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск: Медиапрост, 2020. 246 с.

13. Перечневая роспись служилых людей 1625 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 20. Д. 6. 156 л.

14. Фурсов В. Н., Дудина О. В. Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204), вып. 34. С. 131–136.

15. Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. 312 с.

REFERENCES

1. Bagaley D.I. *Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the History of Colonization of the Steppe Outskirts of the Moscow State]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1887. 634 p.

2. Belyaev I.D. *O storozhevoy, stanichnoy i polevoy sluzhbe na polskoy Ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseya Mikhaylovicha* [On the Guard, Stanitsa and Field Service in the Poliskay Ukraine of the Muscovite State Before Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1846. 151 p.

3. Glazyev V.N. *Protivoborstvo v stepnom pograniichye v 20–40-e gody XVII veka: russkie i tatory* [Confrontation in the Steppe Borderlands in the 20-40s of the 17th Century: Russians and Tatars]. *Istoricheskiye zapiski Voronezhskogo gosudarstvennogo universitetata* [Historical Notes of the Voronezh State University], 2006, iss. 10, pp. 5–16.

4. Glazyev V.N. *Formirovaniye Belgorodskogo razryada kak administrativno-territorialnoy edinitsy v seredine XVII v.* [Formation of the Belgorod Category as an Administrative-Territorial Unit in the Middle of the 17th Century]. *Naseleniye i territoriya Tsentralnogo Chernozemya i Zapada Rossii v proshlom i nastoyashchem* [Population and Territory of the Central Black Earth Region and the West of Russia in the Past and Present]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2000, pp. 116–119.

5. Zhiron N.A. *Selskiy «mir» i khozyaystvennoye osvoeniye territorii Verkhnego Podonya v nachale XVII v.* [Rural “World” and Economic Development of the Territory of the Upper Don Region at the Beginning of the 17th Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2019, no. 8, pp. 147–156.

6. Zagorovskiy V.P. *Izyumskaya cherta* [Izyumskaya Line]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1980. 238 p.

7. Kuts O. Yu. *Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina* [Don Cossacks During the Period from the Capture of Azov to the Speech of Razin]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2009. 456 p.

8. Lyapin D.A. *Chastnye vladeniya krupnykh votchinnikov v gorodakh Yuga Rossi v seredine XVII v.* [Private Estates of Large Estates in the Towns of the South of Russia in the Middle of the 17th Century]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izv. Sarat. Univ. History. International Relations], 2015, vol. 4, iss. 15, pp. 5–7.

9. Lyapin D.A. «Bolshaya voyna» 1631–1634 gg. na Verkhnem Donu [“The Great War” 1631–1634 on the Upper Don]. *Vestnik LGPU. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of LGPU. Series: Humanities], 2013, iss. 1 (8), pp. 36–42.

10. Lyapin D.A. *Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn naseleniya na Yuge Rossii v XVII v.* [On the Outskirts of the Tsarstvo: Everyday Life of the Population in the South of Russia in the 17th Century]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2020. 416 p.

11. Novoselskiy A.A. *Borba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1948. 452 p.

12. Papkov A.I., Petrukhintsev N.N., Khitrov D.A. *Belgorodskaya cherta: istoriya, fortifikatsiya, lyudi* [Belgorod Line: History, Fortification, People]. Rybinsk, Mediarost, 2020. 246 p.

13. *Perechnevaya rospis sluzhilykh lyudey 1625 g.* [List of Servicemen in 1625]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 20, d. 6. 156 l.

14. Fursov V.N., Dudina O.V. Sozdanie i funkcionirovanie Belgorodskogo razryada kak voenno-administrativnoy i territorialnoy edinitsy Rossii vtoroy poloviny XVII v. [Creation and Functioning of the Belgorod Category as a Military-Administrative and Territorial Unit of Russia in the Second Half of the 17th Century]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya:*

Istoriya. Politologiya [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political Science], 2015, no. 7 (204), iss. 34, pp. 131-136.

15. Yakovlev A. *Zasechnaya cherta Moskovskogo gosudarstva v XVII veke* [Zasechnaya Line of the Moscow State in the 17th Century]. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1916. 312 p.

Information About the Author

Denis A. Lyapin, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University, Kommunarov St, 28, 399770 Yelets, Russian Federation, Lyapin-denis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

Информация об авторе

Денис Александрович Ляпин, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Российская Федерация, Lyapin-denis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>